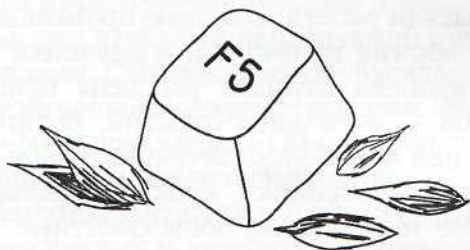

«Этот бой еще долго не кончится...»

В наследии кузбасской поэтессы Любови Никоновой лирика о войне занимает не самое существенное место.

Почти два десятка изданных ею книг содержат лишь девять стихотворений, напрямую связанных с войной. В остальных, которых наберётся не более дюжины, оригинально развиваются военные мотивы, создаются батальные образы или просто упоминаются некие войны, сражения, битвы.

Тем не менее, ратный пласт никоновского творчества очень ценен как взгляд представителя послевоенного поколения на разные эпохи военного лихолетья.

«Земля залечила войной нанесенные раны»

Военная тема в творческом сознании Никоновой жила всегда. Истоки ее сильны и многообразны.

Родившись в селе Владимировка Самарской области, на земле, где в Великую Отечественную на оборонную промышленность самоотверженно трудились тысячи работников эвакуированных предприятий, как и многие мальчишки и девчонки 50-х годов, Любовь Никонова слушала рассказы односельчан и ветеранов — очевидцев событий. Военная тема приходила к ней через художественные фильмы и документальные кинохроники, Уроки Мужества, газетно-журнальные публикации, общеизвестные песни, признанные литературные творения и живописные полотна.

Особое место в этой непрерывной культурной рецепции занимает увлечение творчеством художников Константина Васильева и Германа Захарова. Им принадлежат циклы работ по военной тематике, которые оказали значительное влияние на мироощущение Любови Алексеевны.

С кузбассовцем Германом Захаровым поэтесса была знакома лично. После её смерти в писательском архиве остались плоды их многолетнего сотрудничества: портрет Александра Блока, любимого поэта Никоновой, кисти Захарова, публицистический очерк «Духовной жаждою томим...» и миниатюрное издание «Слова о полку Игореве» с иллюстрациями Германа Петровича и оригинальным автографом, завершающимся подписью в виде улетающих птиц. Бесспорно, захаровские масштабные работы о войне, экспонировавшиеся на выставках, в том числе — триптих «Память», ей были известны.

Но особенно впечатлили, оказались близки по духу былинно-мифологические, эпические, сказочные полотна Константина Васильева, широко известного своими размышлениями на темы древней и современной русской истории. Глубокий символизм его живописи в сочетании с сочным цветовым решением необычайно привлекал Л. А. Никонову. Она неоднократно признавалась в своих живописных пристрастиях и как-то раз, в один из визитов в новокузнецкий музей Достоевского, принесла комплект открыток-репродукций с его знаменитыми шедеврами. Сильное влияние Васильева прочитывается даже на уровне названий: картины «Нашествие» и «Витязь» («Русский витязь») находят отклик в её поэзии в виде одноименных произведений...

В домашней библиотеке писательницы был специальный раздел краеведческих и литературно-краеведческих источников, в том числе — посвященных войне. Она читала стихи и прозу писателей-земляков, повествовавших о подвиге Веры Волошиной и Юрия Двужильного, Героев Советского Союза Ивана Герасименко, Александра Красилова и Леонтия Черемнова. «Новокузнецк в солдатской шинели» Александра Берлина, «Сибирский Сталеград», изданный под редакцией Михаила Берковича, «Кузнецкий арсенал» Ростислава Бардокина и др. использовала при подготовке литературно-патриотических занятий с детьми.

К развитию военной темы Никонову подталкивала и обширная педагогическая деятельность. Сохранились листы одного из её мастер-классов, где рассматривались особенности военных образов у писателей-сибиряков. В музее Достоевского хранятся журналы «Огни Кузбасса» 1980-х годов, между страницами которых ею были заложены небольшие закладки с соответствующими пометами в стихах и прозе о войне.

Стимулом к углубленной разработке военной темы

была и наставническая деятельность в детско-юношеских литературных студиях Новокузнецка: «Фесковские литераторы», «Берег», «Зернышко», «Гренада», «Созвездие лиры». Она предполагала участие детей и самой поэтессы в творческих и литературных конкурсах, в частности — посвященных войне.

По их итогам некоторые стихи публиковались в альманахе «Здравствуй, мир!», который редактировала Л. А. Никонова в гимназии №27 в течение 15 лет. На страницах школьного издания военная тема раскрывалась многоаспектно. Известно, что как редактор она специально включала стихи о войне в рубрику «Литературное краеведение», вместе с воспитанниками отмечала конкурсами и чтениями юбилейные даты Великой Отечественной, подготавливала публикации о кузбасских авторах, писавших о войне, делала тематические подборки их стихов и своих собственных. В череде подготовительных материалов к альманаху остались фотопортреты поэтов-фронтовиков Михаила Борисова и Михаила Небогатова, автограф стихотворения Никоновой «Бульвар Героев»...

Но какими бы богатыми и разнообразными ни были источники военной темы, всё же главным из них было и остаётся Евангелие. Сущность войны и ее последствия поэтессы из Новокузнецка всегда представляла через призму православных ценностей.

«Военной летописи боевые главы»

Все стихотворения о войне и по военным мотивам создавались Любовью Никоновой с 1970-х по 2000-е годы. Они опубликованы во многих авторских сборниках: «Скрипичный ключ» (1974), «Праземля» (1984);

«Ветер Апокалипсиса» (1993); «Чтоб воскреснуть на этом лугу» (1997); «Знаки внимания» (1998), «Сокровенное царство» (1999), «Похожи встречи на подарки» (2003), «Над звездами горящая звезда» (2006), «Знакомый мир неузнаваемый» (2011).

Знаменательным событием стало появление подборки её стихов в ратной поэтической антологии «Ты припомни Россия, как все это было». Книга вышла в московском издательстве «Вече» в 2011 году и претерпела несколько переизданий. Как пишет составитель и автор предисловия Г. Н. Красников, она *«несёт особый эмоциональный и художественный заряд»*, призвана *«вернуть нашей Победе её подлинные трагические и одновременно светлые краски, живые человеческие черты, её подлинное высокое и непреходящее духовное и историческое значение»*. Над этой высокой задачей трудились многие поколения стихотворцев, начиная с поэтов-фронтовиков и заканчивая поэтами нескольких послевоенных десятилетий. Среди них — знаменитые имена: А. Сурков, А. Межиров, М. Исаковский, А. Ахматова, К. Симонов, С. Гудзенко, Ю. Друнина, А. Тарковский, С. Наровчатов, К. Ваншенкин, А. Твардовский, Д. Самойлов, Н. Рубцов, Н. Тряпкин, А. Прасолов, С. Куняев, Е. Евтушенко, В. Высоцкий, В. Соколов, М. Дудин, В. Шефнер и другие. В раздел «Когда играют марш «Прощание славянки» включены и четыре стихотворения Любви Никоновой: «Школьный сад», «Вот место, где наши когда-то сражались Иваны...», «Прощание с 90-ми» (второе название — «Раскололась огромная льдина») и «Витязь»...

Обзор творчества показал, что открывается никоновский цикл о войне стихотворением 1974 года с «военными» образами «Окончен день. На всем лежит усталость...» в сборнике «Скрипичный ключ» и завершается произведением с батальными мотивами «Спа-

сибо», последняя редакция которого увидела свет в 2006 году в книге «Над звездами горящая звезда».

В лирике Никоновой представлены разные войны: Великая Отечественная («Бульвар Героев», «На Курской дуге», «Школьный сад»); Гражданские и локальные («Им бы жить хорошо и богато...», «Постойте... Дайте разобраться...», «Летит мистический орел...», «Он собрал вас: «По коням, бригада!»); война-противостояние мировых сил («Сражение силы мировой...»); народная эпическая, древнерусская, «былинная» («Ратница», «Вот место, где наши когда-то сражались Иваны...»); война между человеком и природой, катастрофично-техногенным и человеческим («Нашествие», «Девочка с цветком»); высокотехнологичные сражения с применением компьютерных технологий («Сон 3 мая 1993»/«Сон»); каждодневная бытовая, между конкретным человеком и миром («Спасибо», «Витязь»); междоусобная война как итог политических решений («Раскололась огромная льдина»/«Прощание с 90-ми»); война-борьба внутри человека («То не порох последний дымится...», «Любовь»).

Слово Никоновой о войне — это художественное переживание поэта послевоенного поколения. И этот факт определяет поэтику произведений. Война у неё не имеет конкретных узнаваемых очертаний, существует в виде обобщенно-символического образа с отчетливым христианским подтекстом. Все батальные сцены упразднены, заменены духовным противоборством двух сил — мирового Добра и Зла.

В этой художественной системе очень важен панорамный авторский взгляд и связанный с ним образ парящей души — жертвы и одновременно — провидицы:

*Этот бой ещё долго не кончится.
Долго сердце врагу не простит...
А душа, огневая пророчица,
Как голубка, над схваткой летит.*

*Над полями смертельными минными,
Над окопами в черной крови
Существо с опаленными крыльями
Замирает в тоске по любви.*

*Зависает в полете, не мудрствует —
Правду скорби и слез говорит.
Над пшеницей, дымящейся русскою,
Как живая бумага, горит...*

Главными образами военной лирики выступают не только люди, испытывающие ужасы невыносимого бремени (солдат, брат, женщина, девушка Света, ждущая бойца с фронта), но и создания высшего мира (ангел, демон, крылатая душа). На поэтическом ратном поле Любви Никоновой поднимаются во весь рост былинные богатыри (витязь, ратница, воин), сияют «неотступным светом» вечные понятия (любовь, страдание, рай), вспархивают белоснежные птицы (голубка, лебедь), оживают недвижимые объекты (сад, земля).

Но, пожалуй, самым примечательным в этом ряду был и остаётся образ сада.

«И школьного сада живительный
шум...»

Он возник еще в раннем творчестве. Первый сборник «Скрипичный ключ» пригласил читателей услышать нежную «Мелодию весеннего сада» (1972—2005).

Затем сад «разросся»: «Крымский дворик» (1981—1983), «Сад в весеннем кипении кружев, лент и кистей...» (1983), «Розарий» (1985—1987), «Яблоневый сад, занесенный снегом...» (1995), «Любовь» (1996—1997), «Венчальный ветер. Сад лазурный...» (1997—2003), «Таинствен темный душистый сад...» (2004) и др.

Культивируя свой сад, поэтесса постепенно выявляла всё новые и новые грани.

Вот мы погружаемся в отдыхающий от шумного дня церковный сад:

*Венчальный ветер. Сад лазурный.
Отхлынул век жестокий, бурный.
И Божьих тайн полны соцветья
В условиях нового столетья.*

*Умолкли войны и шпионы.
Цветут церковные пионы...*

Прикасаемся к загадочному ночному саду, таящему дыхание влюбленных:

*Таинствен темный душистый сад.
Во мраке счастьем дышат очи.
Вот-вот начнется звездопад —
И дрогнет сердце этой ночи...*

И, конечно, слышим музыку майского яблоневого

сада, бурно цветущего, белоснежного, более всего привлекательного для автора:

*...Весенний сад, как вьюга за окном,
Должно быть, успокоится нескоро.
Расплескивая свежие цветы,
Он раскрывает снежные объятия.
Мелодия чрезмерной красоты
Нас осыпает лепестками счастья...*

Таким же — свежим, живительным, родственным человеческой природе — рисует писательница и школьный сад в одноименном стихотворении о Великой Отечественной войне:

*Каким бы я был в 41-м году?
Я рос бы, как деревце в школьном саду.
Я был бы наивен, как в речке вода,
И в девочку Свету влюблен навсегда.
И были бы для чувств моих даже тесны
Цветущие дни предвоенной весны.*

*Каким бы я был в 43-м году?
Я знал бы, за что я сражаться иду.
И школьного сада живительный шум
Пред первой атакой пришел бы на ум.
И девочки Светы распахнутый взгляд
Смотрел бы мне в душу и вел через ад.*

*Каким бы я был в 45-м году?
Я вновь оказался бы в школьном саду.*

*Отвыкший от мирных созвучий солдат,
Я долго бы слушал лепечущий сад.
И робко бы трогала Света, жена,
Добытые в пекле войны ордена.*

В военной поэзии Никоновой сад — это символ мира и стабильности, нетленных духовных ценностей, вечной жизни и светлой любви к близкому человеку, родному дому, малой Родине. В этих значениях образ сада неоднократно возникал и в творчестве русских советских поэтов, в том числе — писавших о войне: Якова Шведова («Смуглянка»), Владислава Занадворова («Кусок родной земли»), Дмитрия Кедрина («Родина») и др. Подобное мы встречаем и в послевоенном отечественном кинематографе.

Значительно обогащает образ связанное с ним прилагательное «школьный». Прежде всего, потому что ассоциируется с военным поколением учеников, вынужденным сразу после школьной скамьи отправиться на фронт. Но выбранная Никоновой оригинальная форма поэтического повествования адресует нас и к современным школьникам. Стихотворение строится как вольное сочинение-размышление о войне некоего молодого человека, который, сидя за партой, по заданию учителя, представляет собственное высказывание о тех далеких событиях. «*Каким бы я был...?*» — трижды задается он вопросом и «примеряет» к себе ситуации прошлого.

Война — жестокий урок, который рано или поздно всем придется выучить. Поэтому слово «школьный», несущее в себе и такие значения, как «постижение сущности чего-либо в процессе обучения», «извлечение какого-либо опыта из жизненной ситуации», расширяет рамки нашего восприятия. Каждый из нас

в полной мере — ученик школы под названием «жизнь». Каждый получает знания о Добре и Зле в своем райском саду в урочное время. Иначе говоря, школьный сад Любви Никоновой — это не просто островок растительности возле школы. Это благодатный Эдем, где происходит обретение истинного знания о сути вещей...

Новое время раскрыло в литературе такие аспекты военной тематики, которые ранее не замечались или попросту находились под негласным запретом. В этом смысле тематический цикл стихотворений Любви Никоновой о войне достаточно заметен. Он представляет не только нравственно-этическую позицию автора, сознательно строившего свою жизнь и литературный труд в соответствии с евангельскими канонами, но и отражение её православных взглядов на всех уровнях поэтического текста.

Возьмем, к примеру, нумерологию. Ключевое значение в стихотворении приобретает число 3. В христианстве оно символизирует равновесие и гармонию. Достаточно вспомнить Святую Троицу, трех волхвов, трех друзей Иова, трех ангелов, пришедших к Аврааму...

«Школьный сад» буквально наполнен повторяющимися триадами: три строфы, три риторических вопроса, три важнейших даты в истории Великой Отечественной войны, три главных персонажа. Знаменательно, что присутствие в тексте именно трёх образов главных героев — сада, мужчины и женщины — порождает ассоциативные связи с третьей главой книги «Бытие», с ветхозаветными притчами о жизни Адама и Евы в Эдемском саду: вкушением плода с древа познания Добра и Зла, изгнанием Адама и Евы из рая. Именно эти сюжеты скрыты в подтексте стихотворения «Школьный сад».

Но если в евангельской притче, обольщенные змеем, Адам и Ева виновны, поэтому изгоняются из Эдема и навсегда его теряют, то у Никоновой потомки первых людей не отягощены виной, но вынуждены покинуть свой райский сад. В Библии Бог ставит на востоке у райского сада Херувима и «пламенный меч обращающийся», чтобы охранять путь к дереву жизни. У Любви Никоновой, напротив, прекрасный сад всегда готов принять своих детей, он питает и поддерживает их. Пережив суровые испытания, обретя важное знание, мужчина-воин и женщина, дождавшаяся его с поля битвы, вновь возвращаются в гармоничное природное лоно.

В таком православном контексте война может интерпретироваться как плод познания Добра и Зла, но вкусить его вынуждают обстоятельства, а не кто-либо конкретный...

Сад Никоновой пребывает в бесконечном движении и «рифмуется» с внутренним развитием двух других персонажей — юноши, лирического героя, и его возлюбленной — девочки Светы.

Имя молодого человека нам неизвестно, как неизвестны имена многих, кому воздвигнуты памятники и обелиски в послевоенное время по всей России. Имя героини — «говорящее». Оно несет мощный положительный заряд: Света — «светлая», «излучающая свет», «светящаяся».

Появление в стихах имени собственного включает произведение в контекст знаменитых произведений о войне. Как известно, поэты фронтовой поры активно использовали в лирике имена своих друзей, родных, знакомых. Этот художественный прием усиливал «градус» исповедальности, задушевности, доверительности, непосредственной обращенности к собеседнику. Некоторые собственные имена, женские и мужские,

вымышленные и реальные, до сих пор на слуху: Лизавета (Евгений Долматовский «Эх, как бы дожить бы...»), Зинка и Юлька (Юлия Друнина «Зинка»), Алеша (Константин Симонов «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»), Ирина (Сергей Добронравов «Весна всегда похожа на Победу»), Лелька Воскресенская (Яков Козловский «Мы за церквушкой деревенскою»)...

Попытка представить себя в определенном времени и обстоятельствах войны превращается у лирического героя Никоновой в полноценное развернутое высказывание. Он видит себя в трёх знаковых точках военных лет: 1941 — 1943– 1945. В эти годы осуществляются внутренние метаморфозы главных персонажей «Школьного сада».

Первая встреча с героями стихотворения происходит в майское предвоенье 1941 года. Юноша и девушка показаны как вчерашние школьники: наивные, переполненные чувствами, еще не вступившие в суровую жизнь, хрупкие молодые «*деревца*» прекрасного сада. Они созвучны друг другу и школьному Эдему, хранящему их первую любовь и первые свидания. Но наряду с акцентированной автором неопытностью и молодостью, ощущается, что у них все же сформирована крепкая система ценностей, есть некое знание. Возможно, это лишь сильная интуиция, догадка, но она подтверждается в последующих строках.

Во второй раз мы соприкасаемся с ними весной 1943 года. Уже свершился перелом в Великой Отечественной войне, советские войска стали теснить противника. Произошли глобальные изменения и с никоновскими персонажами: вчерашний наивный ученик вырос и превратился в зрелого юношу-бойца. Он вынужден сорвать плод с дерева Добра и Зла, заглянуть в глаза смерти, повзрослеть, познать цену войны спол-

на. *«Я знал бы, за что я сражаться иду»*, — говорит он.

Образ сада и девочки Светы как его части рисуется исключительно в воспоминаниях лирического героя. Они становятся его внутренней опорой, животворным источником. Сад имеет тот же облик, что и вначале, но его не видит, а лишь представляет солдат. Воспоминание о размеренном шуме деревьев сопровождает героя, и, как последний привет с далекой родной стороны, врывается в сознание перед первой атакой.

Девочка Света тоже незримо присутствует на фронте, живет в воображении бойца. Она наделяется свойствами почти былинно-сказочной богатырши, ратницы: *«распахнутый взгляд»* обладает светоносной мощью, способной *«смотреть в душу»*, *«вести через ад»*. Героиня становится для солдата тем *«лучом света в темном царстве»*, который указывает верный путь, дает силы жить.

Весной 1945 года воин, наконец, возвращается на свою Родину. Этой знаковой точке военного времени посвящена третья, заключительная, строфа произведения. Сад выступает для солдата исцеляющей кровной стихией: возвращает к спокойным ритмам, гармонизирует отношения с миром, восполняет утраты и одновременно *«намекает»* на новую весну — рождение детей (Света становится уже женой, а сам сад — по-детски *«лепечущим»*).

Интересно, что главная героиня стихотворения, также повзрослев во время войны, продолжает оставаться всё той же девочкой. Ее неутраченная детскость подчеркивается, прежде всего, воспроизведением знаменитого кинематографического жеста — прикосновения к орденам — бережного и *«робкого»*, как замечает Никонова.

Изображая войну в христианском ключе, сравнивая её с адом и пеклом, Никонова, тем не менее, вселяет

уверенность в благополучный исход.

Лирический герой, преисполненный веры в Победу, оказывается возле любимой под сенью чудесного сада. Другого и быть не могло, ведь в критических обстоятельствах главное сокровище его жизни — сад как оберег и путеводная звезда — оставался всегда рядом...